

Джорд и другие ребята окружили меня во время чтения в тайном местечке, куда я уходил, чтобы никто не мешал.

— Молодец, мелкий, отыскал нычку, — похлопал Джорд по плечу мальчика-новичка в приюте.
— Ну что, Владик, ты пересмотрел свое плохое поведение?

Я попытался убежать, но не успел. Двое ребят повалили меня на землю, выбивая книгу из рук. Приятели... Сначала они виновато прятали глаза. Когда их совесть замолчала, стали открыто игнорировать, а позже и подкалывать, высмеивать, обзывая «ущербным», и издеваться. Все они здесь променяли свою совесть на спокойствие.

Я же стал их отдушиной, чтобы оправдывать свои поступки. „Я не дурак, не хочу быть на месте этого слабака“, — уверен, что примерно так они думали, когда лизали пятки Саймона.

Джордж присел на корточки. Жирное пузо заблокировало все видимое пространство передо мной.

— Саймон сказал мне поугатать тебя, чтобы ты наконец-то признал его старшим. Но мы оба знаем, что ты этого не сделаешь, а потому я приготовил для тебя кое-что особенное, — его маленькие злые глаза сверкали от предчувствия веселья. — Дайте их.

Я увидел перед собой мешочек из которого Джорд достал... червя.

— Нет, пожалуйста, не надо! — я начал брыкаться, пытаюсь вырваться из захвата, но ребята лишь сильнее придавили меня к земле.

— Ты же еще не знаешь, что мы будем делать, а уже умоляешь нас? Я покажу тебе, что значит не уважать старших. Запомни, ты — червь, а черви должны жить вместе. Поднимите его.

Мое тело взвилось в воздух, под усилиями отбросов. Джорд подошел ко мне и, с ехидной улыбкой, отпустил червя мне прямо в нижнее белье.

— Нет! Отпустите! Помогите! — крича во все горло, я со всей силы пнул свободными ногами толстяка в живот.

— Держите его, дебилы! — держась за пузо, лицо Джорда покраснело, и он со всей силы ударил мне в живот из-за дыхания сбилось. — Заткнись, урод со шрамом, — зло прошипел он мне под ухо и вставил в рот грязную тряпку.

Не обращая внимание на его угрозы, я попытался вырваться из хватки четырех человек, но все безуспешно. Пытка продолжилась. Помимо червей из мешка появлялись тараканы, жуки и прочая мелкая живность. Стоит ли описывать, что я испытывал? Под конец Джорд достал гусеницу.

— Я слышал, что ты любимчик у библиотекаря? Интересно, что он скажет, когда увидит, что ты сделал с одной из книг.

— Ммм. ММ.

— Ты что-то хотел сказать? — Джорд положил гусеницу в книгу и захлопнул ее. — Были рады поиграть с тобой, Влад. Ты извини, но нам пора идти. Отпустите его.

Хватка на моих руках ослабла, и первое, что я сделал — начал вытряхивать всю эту мерзость из штанов под гогот ребят. Они ушли, а я, прижав книгу к груди, сел под деревом.

Второй раз в жизни я думал о смерти. Наставления родителей, речи настоятеля на проповедях — все меркло на фоне отчаяния и злобы на собственное бессилие.

Сколько раз они мучали меня? Десять, двадцать, я уже не помню. Сперва я дрался из-за всех сил так, что даже Джорд ходил с синяком под глазом. Но меня избивали нещадно.

Я пожаловался учителям, а доказательством стали многочисленные синяки и ссадины на и так уже изуродованном теле. Всех тех, кто принимал участие ждало наказание... Выговор, чтение нотаций и несколько исправительных работ — вот и все, что они получили за мои избиения.

Тогда они сменили тактику. Больше меня не били, почти. Теперь меня мучали: подменяли еду, устраивали жестокие шутки, даже воровали мои вещи. Я стал полным изгоем. Лишь Свел общался со мной.

Когда я спросил его почему он это делает, то получил неожиданный ответ: „Ты debil. Лишь из-за наставлений своих родителей обрек себя на страдания, хотя я тебя предупреждал. Но ты до сих пор не сдался. Это достойно уважения. А еще мы соседи по комнате. Я бы сошел с ума, если бы мы постоянно молчали.“

С тех пор у меня появился первый друг в приюте. Да, этот уже десятилетний смазливый мальчик не мог ничего противопоставить гнилым подросткам. И все же я был благодарен ему за моральную поддержку. Чем больше узнавал его, тем больше понимал, что пусть он и младше, но намного умнее меня. Но я никогда не рассказывал Свелу, что у меня на душе.

Я прибежал в библиотеку. В единственное место, которое стало мне по-настоящему родным. Покрасневшие, затертые глаза служили доказательством того, что я снова плакал. Учитель встретил меня со стопкой книг в руках, но видя мой неказистый вид, бросил свои дела и усадил на диван в холле.

Он спросил о том, что случилось и меня прорвало. Я выложил все, что тяготило мою душу. Про родителей, про нежелание жить, про избиения и издевательства. Под конец я отдал ему испачканную трупом насекомого книгу.

— Простите... — только и смог я произнести, пока учитель смотрел на испорченные страницы.

— Не беспокойся, Влад, это пустяки, — морщинистая рука потрепала мои грязные волосы. — Я поговорю насчет поведения Саймона и Джорда.

— Старший, пожалуйста, не надо! — неужели я ошибся, рассказав все учителю?

— Я же сказал не беспокойся, — улыбнулся он, глядя мне в глаза. — С завтрашнего утра тебя никто не тронет. Да и как я могу дать в обиду такого талантливому ученика. У меня сегодня много работы, так что можешь остаться здесь. Постельное я тебе дам, — похлопал он по сиденью дивана. — Согласен?

В ответ я смог лишь кивнуть. Забота учителя тронула меня, но кое-что я запомнил особенно сильно. Это был первый и последний раз в жизни, когда он обратился ко мне на ты.

На следующий день меня нашел Саймон и извинился, сказав, что больше ничего со мной не станет делать. Я был удивлен. Слова учителя всплывали в моей голове. Что он сделал, ради того, чтобы даже Саймон принес свои извинения? Почему-то меня это не интересовало, но я был благодарен этому старику. Он занял в моем сердце место рядом с родителями.

<http://tl.rulate.ru/book/10009/198539>